

Р.Ю. Почкаев

«Маргинальные» государства на пост-ордынском пространстве: чингизидское и российское влияние на государственно-правовое устройство Касимовского и Букеевского ханств

В 1445 г. в Мещере было основано довольно своеобразное государство – Касимовское ханство (Мещерский юрт). Изначальной целью его существования было создание московскими властями своего рода буферного образования, «противовеса» Казанскому ханству, выдвижение претендентов на казанский престол – тем более легитимных, что они к этому времени уже успели обрести ханский титул в Касимове [см.: 3, с. 226; альтернативный взгляд на проблему см. в: 20]. Цель создания ханства обусловила и особенности его государственно-правового развития, в котором сочетались принципы и нормы чингизидского (золотоордынского) и российского правового регулирования. Именно это позволяет говорить о «маргинальном» характере этого государственного образования.

Относительно дальнейшей роли Касимовского ханства (после присоединения Казани к Москве в 1552 г.) мнения исследователей расходятся. По мнению одних, государство в Мещере стало анахронизмом, и московские правители в течение длительного времени старались «растворить» его в составе России [20, с. 7]. Другие авторы видят в Касимовском ханстве второй половины XVI–XVII вв. своего рода культурный (а уже не политический) центр выходцев из Золотой Орды и пост-ордынских государств в России [см.: 4, с. 238]. Принимая во внимание обе позиции, мы склоняемся к мысли, что Касимовское ханство после 1552 г. являлось своеобразной синекурой для царевичей-Джучидов, «приманкой» для тех потомков золотоордынских ханов, которые еще пытались противостоять московской экспансии – в первую очередь, сибирских Шибанидов, потомков хана Кучума. Московские власти демонстрировали, что принятие московского сюзеренитета позволит царевичам не только сохранить высокое положение, но и рассчитывать на получение ханского титула – на касимовском троне [см. подробнее: 17, с. 101]. Несомненно, для достижения этой цели сохранение элементов чингизидской

государственности и права в Касимове было необходимо – несмотря на все большую интеграцию этого юрта в общероссийское политико-правовое пространство.

Как бы то ни было, в 1681 г. Касимовское ханство было ликвидировано как институт, изживший себя, утративший эффективность в процессе взаимоотношений России с тюрко-монгольскими соседями. Казалось бы, с его упразднением практика создания «маргинальных» государственных образований на территории России ушла в прошлое, однако около 120 лет спустя после упразднения Касимовского ханства в степях между низовьями Волги и Урала (т.е. снова на бывшей золотоордынской территории) возникает еще одно «маргинальное» государство – Букеевское ханство (Внутренняя Орда). Цели создания этого государства были несколько иными по сравнению с Касимовским: Букеевское ханство должно было стать, с одной стороны, «эталонном» статуса кочевых подданных Российской империи, с другой – «полигоном» для административных преобразований, запланированных имперскими властями по отношению к казахским государственным образованиям [см.: 8, с. 56]. Эти цели также предполагали сочетание в его государственно-правовом устройстве принципов и норм чингизидского и российского (теперь уже имперского) права, что в какой-то мере сближает его с Касимовским ханством.

История обоих государств неоднократно исследовалась специалистами. Проблемами развития Касимовского ханства занимались, в частности, В.В. Вельяминов-Зернов, А.Г. Бахтин, Б.Р. Рахимзянов, С.Аджар, А.В. Беляков. Различные аспекты истории Букеевского ханства исследованы в трудах И.Ф. Бларамберга, А.Н. Харузина, В.Ф. Шахматова, С.З. Зиманова и др. Однако, насколько нам известно, вопрос о соотношении чингизидских и российских государственно-правовых традиций в этих ханствах до сих пор специально не рассматривался. Настоящая работа посвящена выявлению степени влияния чингизидского и российского права на статус правителей, взаимоотношения центральной и региональной властей, систему источников права. Сравнение государственно-правового опыта Касимовского ханства, существовавшего в 1445–1681 гг., и Букеевского ханства, существовавшего в 1801–1876 гг., позволит проследить преемственность на протяжении нескольких веков политики российских государей в отношении их кочевых подданных тюрко-монгольского происхождения, степень ее последовательности.

Итак, первый из рассматриваемых вопросов – статус государей Касимовского и Букеевского ханств. В позднесредневековых тюрко-монгольских государствах возведение в ханы осуществлялось на курултае с соблюдением старинной чингизидской церемонии, имевшей место в Золотой Орде и пост-ордынских государствах – путем поднятия хана представителями знати и торжественного сажания его на трон. Такая процедура сохранялась и в Касимовском ханстве: в частности, известно, что именно так был возведен в ханы казахский Ураз-Мухаммад-султан в 1600 г. [см.: 23, с. 329–330].

Б.Р. Рахимзянов проводит параллели между статусом касимовских ханов и русских удельных князей [20, с. 64]. На наш взгляд, главное отличие касимовских ханов от удельных князей состояло в том, что последние, как правило, передавали свои уделы по наследству (хотя великий князь в исключительных случаях и мог лишиться того или иного князя его удела), тогда как каждый касимовский хан утверждался волей московского государя – даже если речь шла о ближайшем родственнике предыдущего касимовского владельца. Весьма ярко это проявилось, в частности, в том, что в 1600 г. царь Борис Годунов утвердил на касимовском троне казахского султана Ураз-Мухаммада, выдав ему ярлык – акт, которые формально имели право выдавать только сами ханы-Чингизиды [см.: 24, с. 110].

Б.Р. Рахимзянов отмечает такой своеобразный элемент статуса касимовских ханов (по крайней мере, на раннем этапе существования ханства), как их право не только не платить налоги в московскую казну, но и самим получать от Москвы «выход», т.е. некий налог (в некоторых трактовках – дань), который русские князья прежде платили Золотой Орде [20, с. 64]. Надо полагать, сохранение «выхода» также отражало стремление московских властей позиционировать касимовских владельцев не просто как своих вассалов, но и как независимых правителей-Чингизидов, имеющих право претендовать на другие троны на пост-ордынском пространстве – в частности, на трон Казанского ханства. Именно эта особенность статуса первого хана Касима позволила ему претендовать в 1467 г. на казанский трон: формально он имел права на него, будучи ближайшим родственником (дядей) скончавшегося хана Халила. Более того, инициатива его выдвижения в качестве кандидата на престол исходила не от Москвы, а от казанской «оппозиции» [26, с. 553–554; см. также: 20, с. 107]. Не менее важным представляется наблюдение о том, что формальная независимость Касимовского ханства и его правите-

лей служила также и для демонстрации лояльного отношения московских властей к мусульманскому населению Московского государства и его соседям [3, с. 227].

Правители Букеевского ханства, как и касимовские ханы, с самого начала существования этого государства утверждались в ханском достоинстве российскими (уже имперскими) властями. Собственно, официально история Букеевского ханства и начинается с 1812 г. – когда ее первый правитель Букей, сын Нурали и внук Абу-л-Хайра, выдающихся правителей Младшего жуза, был признан ханом на основании специального императорского указа [8, с. 31; 28, с. 17] ⁽¹⁾. Обратим внимание, что его брат Шигай, претендовавший на трон после смерти Букея и даже выбранный в соответствии с чингизидскими традициями на курултае, так и не был признан в ханском достоинстве русскими властями, поскольку попытался поставить их перед фактом своего воцарения. А вот его племянник Джангир б. Букей повел себя политически более грамотно: в 1822 г. он направил официальное прошение российским властям с просьбой возвести его в ханы, что и было сделано годом позже. Сына и преемника Джангира, Сахиб-Гирея, также предполагалось возвести в ханское достоинство волей императора, однако после его скоропостижной смерти в 1847 г. институт ханской власти в Орде был отменен – опять же по воле имперских властей [8, с. 93–95]. Как видим, в Касимовском ханстве еще сохранялись (хотя бы номинально) чингизидские элементы, связанные с воцарением ханов, получением ими «выхода» с русских земель и т.п. Букеевское ханство в гораздо большей степени (формально и фактически) находилось в воле русских властей, и это прекрасно осознавалось подданными ханов: так, современник отмечает, что ханы, «которые возведены в сие достоинство российским правительством» (как, например, Букей, основатель Внутренней Орды), уже не вызывали того почтения, каким пользовались прежние ханы, «народом избранные» [27, с. 122].

Важным элементом правового статуса монархов «маргинальных государств» является то, что наряду со статусом ханов в собственных владениях, они обладали и определенным местом в иерархии го-

¹ Впрочем, в русской служебной переписке Букей неофициально именовался ханом уже с 1801 г., т.е. с момента перекочевки в низовья Волги, и этот год традиционно считается датой фактического образования его государства [8, с. 21].

сударства-сюзерена: касимовские правители – в Московском царстве, а букеевские – в Российской империи. Здесь мы также можем обнаружить как определенные сходства, так и значительные различия.

В частности, известно, что многие касимовские ханы не только управляли своими владениями, но и являлись воеводами на русской службе. Было бы понятно, если бы речь шла только о командовании их собственными, касимовскими татарскими войсками – в частности, известно, что в конце 1470-х гг. Данияр, сын Касима, содержал (за счет московской казны) отряд в 500 татар, командовали касимовскими же войсками Сатылган и Шейх-Аулияр [см.: 9, с. 235; 20, с. 128–129, 139]. Однако в источниках есть упоминания, что они командовали и собственно московскими войсками: в частности, московские разрядные книги сообщают о командовании русскими войсками хана Шах-Али (правда, фигурирующего в них как «царь казанский») [18, с. 73, 77–79], касимовский правитель Мустафа-Али в годы Ливонской войны командовал войсками при обороне Новгорода [5, с. 38]. Автор середины XVII в. Г.К. Котошихин сообщает, что еще в его время (когда значение Касимовского ханства в политике Москвы уже весьма существенно снизилось) касимовские царицы были «честию... бояр выше» [13, с. 22]. Из исторических документов до нас дошли сведения о том, с каким почетом встречали в московских пределах правителей Касимовского ханства – описание церемонии встречи и сопровождения их к царскому двору заставляет вспомнить о соответствующем ритуале в отношении высоких золотоордынских сановников, приезжавших на Русь в прежние времена [см.: 21, стб. 53 и след.; 23, с. 329]. Исследователи вполне обоснованно связывают это с уже отмечавшимся выше значением, которое придавали московские государи касимовским правителям в своих внешнеполитических делах – возможностью давления на Казань, Крым и пр. Поэтому касимовские «цари и царицы» в родословцах Московского царства идут сразу за московскими великими и удельными князьями, выше других представителей русской аристократии [см.: 5, с. 83–84; 9, с. 234–235].

Правители Букеевского ханства, правда, российскими имперскими войсками уже не командовали, но также занимали высокое положение в сановой иерархии Российской империи. Так, Букей-хан был пожалован императором Павлом I золотой медалью с императорским портретом, а его сын Джангир был кавалером ордена св. Анны, а также носил чин генерал-майора русской армии. Его сын

Сахиб-Гирей (впоследствии – последний фактический хан Букеевской Орды) учился в престижнейшем кадетском, а затем – и пажеском корпусе в Санкт-Петербурге вместе с сыновьями высшей русской знати [8, с. 21, 95–96, 103]. Таким образом, и в отношении интеграции правителей вассальных ханств в российскую сословно-административную систему власти продолжали политику, практиковавшуюся ими еще в эпоху Касимовского ханства².

Ханский титул, получаемый в соответствии с чингизидской традицией, несомненно, влек и прерогативы, являвшиеся неотъемлемой частью статуса монархов-Чингизидов. К таковым относились: 1) распоряжение всеми землями государства; 2) объявление войны и заключение мира; 3) переговоры с иностранными государями; 4) суд над всеми подданными; 5) издание законов и распоряжений [см., напр.: 22, с. 72]. Итак, какие же из перечисленных прерогатив принадлежали касимовским и букеевским ханам?

Права касимовских ханов по распоряжению землей были весьма ограничены: поначалу им принадлежал только ханский домен – округа собственно Касимова, тогда как остальные области являлись наследственными уделами мещерских князей, в которых ханская власть признавалась весьма условно. Причиной тому было существование на территории Мещеры автономных образований, владельцы которых еще до создания Касимовского ханства находились в прямом подчинении московских государей (о чем более подробно мы скажем далее). После преобразований конца XVI – начала XVII вв., что также отмечалось, и ханский домен был преобразован в Касимовский уезд, в результате чего за ханами фактически сохранились лишь их собственные поместья [см., напр.: 19, с. 236].

Государственность Букеевского ханства, созданного не на основе ранее существовавших удельных владений, а «с нуля», характеризовалась более широкими полномочиями ханов в отношении земельных владений. При поддержке русских властей ханы имели возмож-

² Отметим, что подобная практика применялась не только в отношении «маргинальных» государств – Касимовского и Букеевского ханств: имперские власти жаловали чины, титулы и награды и другим правителями национальных образований, которые являлись и формально, и фактически частями империи. Так, хорошо известно, что дворянские титулы, воинские звания и награды носили абхазские и мингрельские князья, бурятские тайши и зайсаны и т.д.

ность осуществлять распределение и перераспределение земельных владений внутри Орды, наделяя уделами своих приверженцев и принимая меры против тех, кто оказывал ему неповиновение [8, с. 57–58]. Однако невмешательство российских властей в земельно-правовые отношения в Букеевском ханстве, сохранявшее за ханами чингизидскую прерогативу по распоряжению землей, влекло и определенные проблемы в отношениях с другими регионами империи: власти Астраханской и Оренбургской губерний или представители их населения неоднократно захватывали земли, считавшиеся ханской собственностью, и имперские власти далеко не всегда вмешивались в разрешение этих конфликтов [7, с. 55]. Таким образом, можно отметить, что ханы Внутренней Орды, обладавшие большими правами в отношении земельной собственности, нежели касимовские владетели, в результате оказывались в меньшей степени защищены российскими властями и имперским правом от посягательств на их владения.

Следующая ханская прерогатива – внешняя политика (переговоры с иностранными государями, объявление войны и заключение мира), по-видимому, отсутствовала как у касимовских, так и у букеевских правителей. Как отмечает Б.Р. Рахимзянов, касимовские ханы были лишены права самостоятельных внешних сношений, а в военных действиях участвовали исключительно в составе московских войск [20, с. 64].

Нет сведений и о какой-либо внешнеполитической деятельности ханов Внутренней Орды – причем, несомненно, это объясняется не только официальным статусом их как вассалов Российской империи, но и личной преданностью ханов царскому правительству, нежелание их выходить из подчинения ему – в отличие от ряда ханов Казахстана, которые еще и в XIX в. делали попытки самостоятельно сноситься, в частности, с китайской империей Цин [см., подробнее: 15, с. 159]. Впрочем, известен случай, когда букеевские правители пытались апеллировать к воле не российских властей, а других правителей: русский военный чиновник полковник Горихвостов, находившийся при Ширгази б. Айчуваке, хане Младшего Жуза в 1822–1823 гг., сообщает, что к этому хану, как старшему представителю их рода, обратились два претендента на трон Букеевского ханства (Внутренней Орды) – Шигай б. Нур-Али, регент Внутренней Орды, и его племянник Джангир б. Букей, чтобы он утвердил их право на трон. Ширгази-хан издал распоряжения в отношении обоих претен-

дентов [6, с. 112]. Однако этот единичный случай, на наш взгляд, никак не свидетельствует о праве самостоятельной внешнеполитической деятельности букеевских правителей – тем более что и хан Ширгази, к которому они обращались, сам являлся русским вассалом.

Следующая ханская prerogative – суд над подданными – был в определенной степени присущ монархам и Касимовского, и Букеевского ханства.

По мнению Б.Р. Рахимзянова, касимовские ханы управляли подчиненными им татарами и имели право суда над ними. В отношении же русского населения Мещерского юрта они являлись «кормленщиками» и не обладали какими-либо административно-судебными полномочиями над ним [20, с. 64] ⁽³⁾. Скучность источников по социально-политической истории Касимовского ханства не позволяет с достаточной степенью уверенности характеризовать статус различных категорий его населения, однако на основании некоторых сведений можно предполагать, что и русское население находилось в зависимости от касимовских государей и прибегало к их суду. Так, например, под 1681 г. несколько жителей Касимова русского происхождения обращались к последней правительнице ханства Фатима-Султан с челобитной о переводе их в статус посадских людей [1, стб. 319–331]. Учитывая, что престарелая Фатима-Султан могла считаться правительницей чисто номинально, и что в том же 1681 г. ханство было официально упразднено, факт обращения к ее суду представляется весьма показательным и заслуживающим внимания. Правда, следует отметить, что окончательное решение по челобитной было принято царем Федором Алексеевичем, издавшим соответствующий указ; и это также свидетельствует, что номинально признавая за чингизидскими правителями права на суд над своими подданными, царское правительство контролировало их судебную деятельность, при необходимости «корректируя» ее путем издания собственных актов.

Противоречивой представляется реализация судебных полномочий ханов и в Букеевском ханстве. Дело в том, что в соответствии со Сводом законов Российской империи население Внутренней Орды должно было судиться «по общим уголовным законам» по большин-

³ При этом сам исследователь отмечает малочисленность источников и, как следствие, противоречивый характер информации о природе владельческих прав касимовских ханов [см.: 20, с. 63–65].

ству дел, тогда как на суд хана должны были передаваться дела «по всем же другим преступлениям маловажным, не исключая и кражи до 30 руб. серебром менее трех раз». Фактически же многие дела, в т.ч. и подведомственные русским судебным инстанциям, решались ханом, и только в случае недовольства его решением тяжущиеся обращались в русские суды. Любопытно, что ханы умудрялись юридически обосновывать и нарушение предписаний имперского закона: они квалифицировали любые дела, которые разрешали сами, как маловажные, и на этом основании приобретали право не сообщать о них имперской администрации [8, с. 100–101; 25, стб. 111–112]. Таким образом, судебная прерогатива ханов-Чингизидов в Букеевском ханстве проявлялась наиболее ярко и, по-видимому, являлась более широкой, нежели в Касимовском ханстве.

Наконец, рассмотрим последнюю из ханских прерогатив – законодательную. Как ни странно, но и в этой сфере правители более позднего «маргинального» государства имели больше правомочий по сравнению с правителями более раннего.

Исследователям не известно ни одного акта волеизъявления касимовских монархов. Поскольку они все же обладали определенной властью над населением Касимова и других мещерских владений, можно сделать осторожное предположение, что какие-то официальные акты они все же издавали. Однако у нас нет сведений ни о видах этих актов, ни об их юридической силе. Факт весьма существенного ограничения правотворческих полномочий касимовских правителей подтверждают некоторые документы Московского великого княжества – впоследствии царства. Так, например, стоит обратить внимание, что договорные грамоты, из которых исследователи черпают сведения о статусе касимовских ханов на раннем этапе существования ханства, заключались между великими и удельными князьями: сами ханы фигурируют в них не как сторона договора, а как своеобразный «предмет договора» – в грамотах оговаривается, какой «выход» выплачивается ханам, право использовать их войска и т.п., при этом воля самого хана никоим образом не учитывается [см.: 9, с. 235; 20, с. 10]. Другой пример связан с традиционным для чингизидских государей пожалованием своим подданным статуса тарханов: пожалование такого статуса касимовским татарам происходило по воле не «их» хана, а... московского царя! В качестве примера можно привести тарханную грамоту царя Михаила Федоровича

1618 г. о пожаловании тарханства ряду служилых татарских мурз, в т.ч. и касимовских [14, с. 54–55].

Обратившись к правотворческой практике Букеевского ханства, мы обнаружим, что правители «маргинального» государства XIX в. обладали куда большими полномочиями в этой сфере. В частности, при хане Джангире, в 1820–1830-е гг. был восстановлен давно забытый к этому времени институт тарханства: выдавая ярлыки, хан жаловал звание тарханов своим приверженцам. Посредством ханских указов выражалась воля ханов и по другим вопросам – перераспределения владений, назначения на государственные должности, установления налогов и повинностей, изменение их размеров и пр. [8, с. 107–111]. Вместе с тем, не все функции государственного управления в ханстве находились в ведении ханов. Так, например, хан Джангир, не имея достаточно полномочий в ряде сфер, был вынужден подавать представление оренбургскому военному губернатору с просьбой оказать содействие в обеспечении кадрами ряда управленческих и судебных структур, наградить его приверженцев и пр. [см., напр.: 7]. По-видимому, российские власти старались все же ограничивать законодательные полномочия букеевских правителей, обеспечивая более полный контроль над ханством, однако вполне очевидно, что возможностей в правотворчестве у них было явно больше, чем у касимовских ханов.

Теперь обратимся к следующему аспекту – административно-территориальному устройству.

Вопрос об административном делении Касимовского ханства довольно сложен и запутан. При его изучении необходимо иметь в виду, что это государство, хотя и было создано на основании волеизъявления правителей, а не сформировалось стихийно, возникло не на пустом месте, а в областях, которые и прежде были населены и имели определенные традиции организации власти и управления. Поэтому в Касимовском ханстве весьма четко можно выделить «ханский домен» (возникший именно в связи с образованием ханства) и полуавтономные владения местных, мецкерских, князей (существовавшие задолго до возникновения ханства). Весьма неслучайным представляется тот факт, что Касимовское ханство носило второе, практически такое же официальное название – Мецкерский юрт. Мецкерские князья еще в XIV в. вышли из подчинения золотоордынских ханов и признали сюзеренитет Москвы, сохранив наследственную власть над своими владениями [см.: 2, с. 254]. Соответственно,

когда на этой территории возникло Касимовское ханство и был построен центр – Мещерский городок / Городец (будущий Касимов), часть земель приобрела статус ханского домена, со всех сторон окруженного, однако, наследственными уделами, «тянувшими» к Москве [см.: 10, с. 186; 19, с. 236]. Соответственно, владения мещерских князей, представлявших различные кланы, происходившие из Золотой Орды, обладали своеобразным двойственным статусом: с одной стороны, это были Мещерские земли в прямом подчинении Московского государства, с другой – владения князей (беков), именовавшиеся в русских источниках «беляками» (тюркское «бейлик», т.е. княжество), считавшихся подданными касимовского хана-Чингизида; вторая система вполне соответствовала чингизидской административно-правовой традиции, имевшей место и в Золотой Орде.

Со временем, впрочем, русское влияние на административное устройство Касимовского ханства становилось все значительнее – в результате даже ханский домен в русских документах XVI в. стал именоваться «Касимовским уездом», уездами назывались и прежние «беляки» – Темниковский, Кадомский, Шацкий и др. [см.: 19, с. 236]. Не случайно поздние касимовские ханы уже считались в меньшей степени вассальными правителями и в большей – «помещиками средней руки».

В отличие от Касимовского ханства, где административно-территориальная система складывалась на основе ранее существовавших здесь образований, Букеевское отличалось более централизованной системой регионального управления, которая складывалась параллельно с образованием самого государства. Хотя в ханстве и существовали традиционные для казахов (как и всех тюрко-монгольских народов) родовые подразделения, они объединялись в более крупные «административные роды», число которых постепенно уменьшалось: в 1820-е гг. их было 16–17, а к началу 1850-х – всего 10. Любопытно, что управляющие этими родами в официальной документации именовались мурзами – титул, характерный для татарских государств, но отнюдь не казахских [8, с. 126]. В правление хана Джангира (1824–1845 гг.) централизация власти обеспечивалась еще и тем, что во главе родов он стал ставить своих родичей-султанов [8, с. 128] – подобного не могли себе позволить касимовские ханы, вынужденные считаться с потомственными правителями мещерских «беляков». Впрочем, и в этом государстве исследователи отмечают существование «родовых объединений, в которых прохан-

ские настроения были слабы» [8, с. 127]. В целях устранения подобной ситуации в начале 1840-х гг. хан Джангир предпринял реформу по российскому образцу: он старался расколоть прежние влиятельные родоплеменные, создавая новые административные единицы – районы, в которых выделялись «старшинства», руководителями которых назначались сторонники хана [8, с. 129–130]. Важным свидетельством влияния русских традиций в управлении стало обустройство в Букеевском ханстве стационарной резиденции хана: так, султан-регент Шигаи и хан Джангир в 1820-е гг. строили себе дома-дворцы, в которых пребывали длительное время [см.: 28, с. 42–43.] – подобная практика, опять же, была характерная для правителей Поволжья (тех же касимовских ханов), но не для кочевников-казахов.

Еще больше влияние русских традиций проявилось в административном территориальном делении Букеевского ханства в период после ликвидации института ханской власти в 1847 г. Не ставя перед собой цели «обрусения орды», имперские власти, тем не менее, предпринимали все меры для ее инкорпорации в российское политико-правовое пространство. Так, к 1875 г. (т.е. уже накануне окончательного упразднения ханства как автономного образования) оно было поделено на уезды – в соответствии с общеимперской традицией [25, стб. 21–22].

Что же касается источников права, регламентировавших правоотношения в рассматриваемых «маргинальных» государствах, на основании вышесказанного можно резюмировать, что удельный вес источников чингизидского права в целом был не слишком велик в обоих ханствах – в отличие от русских законодательных актов.

Статус Касимовского ханства, его правителей и правоотношения их подданных регулировались предположительно отдельными ханскими актами и судебными решениями, несомненно – религиозными нормами (известна значительная роль в Касимове видных представителей мусульманского духовенства [см.: 11, с. 14–22]), но в наибольшей степени – договорными грамотами московских великих князей, указами и грамотами царей и (в более позднее время) административными актами глав русской администрации.

В Букеевском ханстве, наряду с ханскими указами-ярлыками и судебными решениями (которые мы относим к источникам чингизидского права) действовали также положения Свода законов Российской империи, императорские указы, распоряжения пограничных властей в регионах (в частности, астраханского оренбургского губернаторов).

Наряду с российскими законами во Внутренней Орде действовало также и обычное право, применявшееся в деятельности «народного суда» (исследователи отмечают, впрочем, номинальный характер и деятельности таких судов, и, соответственно, действия обычного права [см.: 25, стб. 113–114]). О значительном действии в Букеевском ханстве норм мусульманского права сведений нет: несомненно, для ее населения был характерен тот же «религиозный индифферентизм», какой современники и исследователи отмечали в отношении всех казахов, вследствие чего мусульманское право так и не получило широкого распространения в Казахстане [см., напр.: 12, с. 305].

Подводя итоги вышесказанному, можно отметить, что практика создания Россией «маргинальных» государств для повышения эффективности взаимоотношений со своими тюрко-монгольскими вассалами и соседями оставалась актуальной на протяжении нескольких веков. Естественно, при этом она претерпевала существенные изменения – ярким примером тому является эволюция статуса Касимовского ханства в XV – первой половине XVI и второй половине XVI–XVII вв., в ходе которой государственно-правовое положение этого государства существенно ограничивалось, пока оно совсем не было упразднено.

Логично было бы предположить, что статус правителей Букеевского ханства, созданного более века спустя после упразднения Касимовского, окажется на том же уровне, каким обладали касимовские ханы незадолго до упразднения их государства. Однако на практике оказалось, что букеевские правители обладали куда большими полномочиями в законодательной, административной, судебной сфере. В чем же причина такой, казалось бы, нелогичной, непоследовательной позиции российских властей в отношении вновь созданного «маргинального» государства?

На наш взгляд, политическая ситуация в отношениях России со своими тюрко-монгольскими соседями к XIX в. существенно изменилась. Практически все прежние государства Чингизидов (Казанское, Астраханское, Сибирское, Крымское, Казахское ханства) оказались в составе России, и представители их правящих семейств уже не представляли угрозы для властей. Параллельно снижался статус самих Чингизидов, которые к моменту создания Букеевского ханства уже в течение долгого времени не воспринимались в России как равноправные претенденты на верховную власть (что, опять же, было актуально для XVI – начала XVII вв.). Поэтому не было необходимо-

сти слишком жестко регламентировать их статус – в отличие от ситуации XV–XVII вв., когда такая угроза была вполне реальной. Другой причиной более «либеральной» позиции российских властей в отношении Букеевского ханства являлось, по нашему мнению, намерение активнее интегрировать Казахстан в имперское политико-правовое пространство, показав казахам на примере Внутренней Орды, насколько перспективнее будет для них пребывание в составе России [см., подробнее 16, с. 94–94]. Именно с этим связаны некоторые противоречивые, на первый взгляд, политические и социально-экономические процессы в Букеевском ханстве: стремление сохранить кочевой строй при активном развитии земледелия и стационарных населенных пунктов, сохранение ханской власти и ханства в течение длительного времени после того, как в самом Казахстане были упразднены и ханская власть, и национальное административно-территориальное деление, и т. д. Подтверждением нашей точки зрения служит тот факт, что Букеевское ханство было упразднено только после того, как казахские области окончательно вошли в состав Российской империи, утратив последние элементы чингизидского и вообще тюрко-монгольского влияния в государственной и правовой традиции.

Список источников и литературы

1. Акты, относящиеся до юридического быта древней России / Под ред. Н.Калачова. – Т. I. – СПб., 1857. – 776 стб.
2. Акчурин М., Ишеев М. К вопросу появления татарских князей в Мещерском крае // Средневековые тюрко-татарские государства: Сб. статей. – Вып. 2. – Казань, 2010. – с. 250–254.
3. Бахтин А.Г. Образование Казанского и Касимовского ханств. – Йошкар-Ола, 2008. – 252 с.
4. Беляков А.В. Изменение статуса г. Касимова в XV–XVII в. // Средневековые тюрко-татарские государства: Сб. статей. – Вып. 2. – Казань, 2010. – с. 236–240.
5. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. – Ч. II. – СПб., 1864. – 498 с.
6. Журнал полковника А.З. Горихвостова // Известия АН Казахской ССР. – 1957. – № 2(5). – с. 106–127.
7. Записка хана Внутренней орды оренбургскому военному губернатору по вопросам организации управления и суда // Материалы по истории политического строя Казахстана. – Т. 1. – Алма-Ата, 1960. – с. 55–57.
8. Зиманов С.З. Россия и Букеевское ханство. – Алма-Ата, 1981. – 171 с.

9. Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий (очерки социально-политической истории). – М., 1982. – 333 с.
10. Исхаков Д.М. От средневековых татар к татарам нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). – Казань, 1998. – 276 с.
11. Исхаков Д.М. Сеиды в позднесолотоордынских татарских государствах. – Казань, 1997. – 78 с.
12. Козлов И.А. Обычное право киргизов // Материалы по казахскому обычному праву. – Алматы, 1998. – с. 300–319.
13. Котошихин Г.О. России в царствование Алексея Михайловича. – СПб., 1859. – 132 с.
14. Материалы исторические и юридические района бывшего приказа Казанского дворца. Т. I. Архив князя В.И. Баюшева / Подг. к изд. П.Н. Загоскина. – Казань, 1882. – 279 + XVIII с.
15. Почекаев Р.Ю. Правовая ситуация в Казахстане в составе Российской империи. Ч.1: Правовые системы, действовавшие в Казахском ханстве в конце XVIII – первой четверти XIX вв. // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. – 2009. – № 1. – с. 156–165.
16. Почекаев Р.Ю. Правовая ситуация в Казахстане в составе Российской империи. Ч.2: От правового компромисса к окончательной интеграции в имперское правовое пространство (1824–1868 гг.) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. – 2010. – № 2. – с. 85–96.
17. Почекаев Р.Ю. Сибирские Шибаниды в XVII в.: претензии, статус, признание // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: Материалы Международной конференции (Курган, 21–22 апреля 2011 г.). – Курган, 2011. – с. 100–104.
18. Разрядная книга 1475–1598 гг. / Подгот. текста, вв. ст., ред. В.И. Буганова. – М., 1966. – 614 с.
19. Рахимзянов Б.Р. Административно-политическая и этносоциальная структура Мещерского юрта // История народов России в исследованиях и документах. – Вып. 2. – М., 2007. – с. 234–265.
20. Рахимзянов Б.Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории. – Казань, 2009. – 207 с.
21. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. – Т. XXII. – СПб., 1908. – 888 стб. + 54 с.
22. Султанов Т.И. Поднятые на белой кошме. Потомки Чингиз-хана. – Алматы, 2001. – 276 с.
23. Султанов Т.И. Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. – М., 2006. – 445 с.
24. Трепавлов В.В. Царские ярлыки. Наследие монгольской государственности в Московской Руси // Вклад кочевников в развитие мировой цивилизации. Сборник материалов Международной научной конференции. Алматы, 21–23 ноября 2007 г. – Алматы, 2008. – с. 104–113.

25. Харузин А.Н. Киргизы Букеевской орды (Антрополого-этнологический очерк). Вып. 1. – М., 1889. – 550 стб. + XL с.

26. Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства // На стыке континентов и цивилизаций: Из опыта образования и распада империй X–XVI вв. – М., 1996. – с. 527–758.

27. Шангин И.П. Дневные записки путешествия в степи киргиз-кайсаков Средней Орды // Казактын ата зандары (Древний мир права казахов). – Т. VI. – Алматы, 2005. – с. 119–123.

28. Шахматов В.Ф. Внутренняя Орда и восстание Исатая Тайманова. – Алма-Ата, 1946. – 255 с.

Почкаев Роман Юлианович, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства Санкт-Петербургского филиала Государственного университета – Высшей школы экономики, ropot@mail.ru